

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

ПОЗДРАВЛЯЕТ!

КОГДА АРТИСТУ СЕМЬДЕСЯТ

О НАРОДНОМ АРТИСТЕ СССР
ИГОРЕ ИЛЬИНСКОМ

РАЗУМЕЕТСЯ, Игорь Владимирович Ильинский — выдающийся актер-реалист нашего времени, создания которого глубоки, совершенны и в драме, и в комедии. Но слава «короля смеха» никогда не изменяла Ильинскому. Его успех в искусстве комедии неизменно велик именно потому, что он — актер правды, художник, зорко всматривающийся в жизнь.

И. В. Ильинский.
Фото Валерия Плотникова.

Блистательный его путь в искусстве известен всем. Читателю, вероятно, интереснее узнать: а каким надо быть, чтобы достигнуть тех успехов, той любви зрителей, что сопровождают Игоря Владимировича Ильинского более полувека?..

Прежде всего, я думаю, надо сказать, что Игорь Ильинский в жизни вовсе не «весельчак» и не «шутник». Он блистательно умеет сделать смешным изображаемый персонаж, он всегда заставлял и заставляет хохотать любую аудиторию над словами и поступками личностей, которых показывает. Игорь Владимирович никогда не прибегает для этого к заведомо «смешным» остротам или игре слов, к испытанным средствам достижения комического эффекта... Смех возникает у этого мастера в результате глубокого проникновения в характер персонажа, в результате того, что актер перевоплощается в образ комедийного героя. В жизни же Ильинский не стремится вызывать смех. Кому-нибудь он покажется даже скучным. Еще бы! Люди встретили знаменитого комика, а им не смешно. Комик обманул ожидания... Да, «скучнее» Ильинского в жизни был только М. М. Зощенко. Зато писал Михаил Михайлович смешнее нас всех. Так вот и Игорь Ильинский. Он очень внимателен к собеседникам. Часто удивляется самым наивным образом. Смеется много, а вот собеседников смешит крайне редко. Зато уж если Ильинский хочет передать какое-то свое наблю-

дение, услышанную интонацию, подсмотренные жесты и мимику — тут уж самые заядлые остряки отступают: так это комично и глубоко, тонко и правдиво.

Более полувека дружу я с этим артистом. Видел его почти во всех ролях. Неоднократно писал о нем. Размышлял над свойствами удивительного дарования, присущего Игорю Владимировичу. И все равно всякий раз, когда я сталкиваюсь с его новой ролью, с новым произведением, подготовленным для художественного чтения, меня поражает необычность его фантазии. Уж я-то, думаю, мне, знаю все про смех и смешное... Но вот у нашего артиста возникли подробности в манере и речи персонажа, особенности ритма его поведения... И диву даешься, насколько это и неожиданно, и верно жизни!

Ильинский умеет настолько ясно донести до аудитории сложный подтекст, что вам кажется, будто черепная коробка у персонажа стеклянная и вы воочию наблюдаете забавный или печальный ход его мыслей. А новизна открытия смешного такова, что раньше вы подобное не наблюдали нигде! И это приводит в восторг и мудрых знатоков юмора, и неискушенных зрителей.

Когда Игорь Владимирович работает над ролью или текстом литературного произведения, он анализирует их с позиций, свойственных ему всегда и во всем. Каковы же эти позиции? Утверждаю: на-

шему другу свойствен взгляд доброго и принципиального человека. В трактовке образа, создаваемого им, Ильинский исходит из точки зрения гражданина, борца за правду и добро. Кому-нибудь, может быть, покажется, что я преувеличиваю, — не все ли, дескать, равно, как и чем смешить? Далеко не все равно, если смех — средство осуждения того, над чем хочет смеяться народ.

Советский зритель и народный артист смеются, как единомышленники. И оттого сила смеха Ильинского необычайно возрастает, и артист неизменно завоевывает уважение многомиллионной аудитории, любовь и славу.

Ильинский обладает удивительной способностью щедро черпать из жизни штрихи и детали, доселе скрытые в толщах быта. Он помнит, что без быта нет правды в комедии. Но он никогда не был этаким виртуозом, творцом «смеха ради смеха».

Играя людей смешных или трогательных, героев драматической или комической судьбы, Ильинский всегда остается реалистом. Это сказывается даже в деталях. Только что этот жест или эта интонация вас смешили, а через минуту они же вызывают слезы... Помнится, я был поражен этой способностью актера еще в 1922 году, когда Игорь Владимирович играл Тихона в «Грозе» А. Н. Островского. Забавные взмахи руки с растопыренными пальцами, к примеру,

веселили зрителей три действия, а в четвертом акте тот же жест потрясенного смертью жены Тихона заставил весь зал притаить дыхание и зааплодировать...

Трудно в небольшой статье сказать о всех драгоценных свойствах артиста. Но вот мимо чего я не хотел бы пройти: наиболее запомнившиеся нам сатирические фигуры бюрократов — Бывалова («Волга-Волга») и Огурцова («Карнавальная ночь») и «Старый знакомый» — созданы Ильинским. С такой силой развенчать рыцарей чиновного эгоизма мог только большой актер.

Еще об Ильинском-тетеце. Я давно уже говорю и пишу о существовании у нас «Театра Ильинского». В. Н. Яхонтов ввел этот термин: театр одного актера. Но немногие тетецы имеют право на свой театр. А Ильинский имеет. Его «театр» живет уже десятилетия. И постановки в нем — именно театральные.

Следует еще сказать об Ильинском-режиссере и об Ильинском — авторе книг, посвященных искусству...

Я назвал статью «Когда артисту семьдесят», но, кажется, так и не сказал, что же тогда бывает... Но дело в том, что для истинного и большого таланта и 25, и 50, и 70 — пора цветения. И нам остается пожелать юбиляру здоровья и творческих успехов.

Виктор АРДОВ.